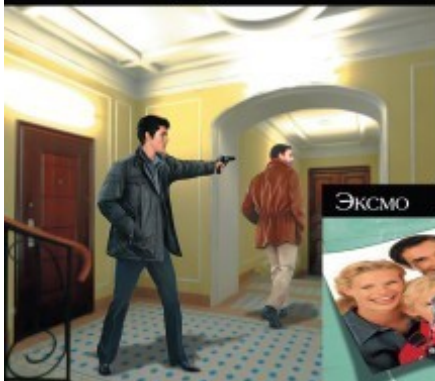

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

*– Господа, – попытался
остановить их
Фейгельман, – надеюсь,
вы не собираетесь
устроить здесь нечто
вроде ристалища?
– Ни в коем случае, –
успокоил его Дронго, –
только гладиаторские
бои со смертельным
добиванием.*

Приличный
человек

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Приличный человек

Серия «Дронго», книга 84

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=287982

Чингиз Абдуллаев. Приличный человек: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40295-3

Аннотация

Загадки и тайны, сплетенные смертью... Они преследуют по пятам известного эксперта-аналитика Дронго. Однажды в аэропорту он случайно знакомится с бизнесменом Николаем Сутеевым. И вот спустя всего два месяца к сыщику обращаются с просьбой расследовать убийство Сутеева, застреленного в собственном подъезде. Дронго начинает собирать улики, изучать чужие судьбы, характеры, мотивы поведения; он докапывается до самых сокровенных тайн и признаний – он делает то, что делал сотни раз. Но то, что открылось в этом расследовании, повергает Дронго в шок, и он вынужден признать, что дьявольская выдумка и изворотливость убийцы заслуживают... восхищения!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	34
Глава четвертая	52
Глава пятая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Чингиз Абдуллаев

Приличный человек

«В мире, за редким исключением, только и есть выбор между одиночеством и пошлостью».

Артур Шопенгауэр

«Он запрятывал свою душу в панцирь, когда в веселом настроении наведывался в миссионерскую церковь, где проповедник неизменно твердил «вы... вы... вы...». Однажды какой-то любитель пофилософствовать спросил, почему бы не сказать «мы» вместо «вы». «Что?» – не понял проповедник».

Стивен Крейн «Мэгги, уличная девчонка»

«Благородный человек знает только долг, низкий человек знает только выгоду».

Конфуций

Глава первая

До посадки оставалось около сорока минут. Раньше эти залы назывались «депутатскими». Потом стали залами для официальных делегаций, затем VIP-салонами. Сущность от этого мало менялась, но стоимость обслуживания возрастала до неприличной суммы, и билет Москва – Баку в обе сто-

роны теперь стоил гораздо дешевле, чем обслуживание в подобном зале при вылете и прилете гостя. Было полное ощущение, что эти цены рассчитаны на гостей из списка «Форбса», еще не успевших потерять свои миллиарды. При этом вылетающий первым или бизнес-классом пассажир мог рассчитывать на бесплатный горячий обед в своем салоне, выбор алкогольных напитков, закусок, пирожков, сладостей, воды, соков. Оформлявшийся через VIP-салон пассажир не мог получить даже бутылку минеральной воды, которая обходилась ему дополнительно в семь или восемь долларов.

Похоже, с подобным беспределом уже все смирились. И статусные пассажиры привычно заказывали подобные салоны, отказываясь от полагавшихся им согласно купленным билетам гораздо более комфортабельных салонов для пассажиров первого класса. Он не любил подобные излишества. По его твердому убеждению, сумма в пятьсот долларов могла быть потрачена на что-нибудь более полезное, чем ожидание на протертых диванах престижного салона. Поэтому он, оформляя свой билет, отправлялся в салон для пассажиров бизнес-класса, предпочитая спокойно почитать газету и выпить рюмку коньяка перед взлетом.

В Домодедово, как и в остальных аэропортах Москвы, цены были абсолютно неприличными, но салоны для пассажиров бизнес-класса с годами только улучшались. Он положил газету на столик рядом с собой, допил свою рюмку коньяка и посмотрел на часы. Еще тридцать пять минут. Скоро объ-

явят о посадке на самолет в Лондон. Он почувствовал, как слипаются пальцы правой руки: наверно, когда налил себе сок, несколько капель попали на внешнюю сторону стакана. Нужно помыть руки перед взлетом.

В описываемый нами период ему было уже далеко за сорок. Высокого роста, подтянутый, широкоплечий, он больше был похож на бывшего спортсмена или телохранителя, чем на одного из самых известных в мире аналитиков, которого все знали под именем Дронго. Эту смешную кличку он выбрал себе много лет назад и не расставался с ней ни при каких обстоятельствах. Внимательный взгляд темных глаз, тонкие губы, вытянутая голова, почти лишенная растительности, широкий большой лоб. Он направлялся в туалет, когда услышал за спиной радостный возглас. Он обернулся.

– Господин Дронго, – прокричал на весь зал мужчина с необъятной фигурой и невероятным животом, – как я рад вас видеть!

– Не кричите, – попросил Дронго, пожимая ему руку, – я тоже рад вас видеть, господин Маркевич.

– Вы даже не представляете, как мы все вас любим и ценим, – почти сбавляя своего рокота, продолжал Маркевич. Он весил килограммов сто пятьдесят и являл собой уморительную фигуру с большим животом и почти женскими грудями, в спадающем с плеч огромном пиджаке, больше напоминающем балахон.

– Лучший эксперт в мире, говорят все наши специали-

сты, – продолжал радостный Маркевич, – моя страховая компания считает вас самым объективным профессионалом, с которым всегда приятно иметь дело.

– Это преувеличение, – возразил Дронго, – и не нужно так громко. Я все слышу.

На них начали оборачиваться сидевшие в зале люди.

– Как я рад вас видеть, – продолжал Маркевич, когда подошедшая дежурная тронула его за рукав.

– Вы опоздаете на своей рейс, – строго напомнила она.

– Конечно, конечно, – Маркевич схватил сразу несколько больших пакетов и заторопился к выходу. Затем обернулся и на прощание помахал рукой вместе с пакетами.

– Приезжайте к нам, – крикнул он, – мы будем вам рады.

Дронго улыбнулся. Такие большие и полные люди обычно бывают добряками, обожающими весь мир. Он вошел в туалет и направился к одной из кабинок. Хорошо, что он встретил Маркевича. Когда встречаешь такого замечательного человека, становится легче на душе. Он услышал, как отворилась дверь в туалетную комнату и кто-то вошел. Затем раздался неясный шум.

Дронго прислушался. Здесь несколько кабинок, и непонятно, откуда идет этот шум. Кто-то смеется или мяукает. Может, здесь забыли кошку? Он снова прислушался. Нет, это не смех. Скорее, кто-то тихо плачет, стараясь не привлечь к себе внимание. Это так страшно, когда почти беззвучно плачет мужчина. Дронго нахмурился. Никаких сомнений,

мужчина плакал, стоя рядом с умывальником. Дронго хотел выйти из кабинки, но замер. Неудобно выходить прямо на плачущего человека. В таких случаях лучше не появляться. И вообще, лучше не вмешиваться в чужие дела. Может, у неизвестного болит голова, или он получил какие-то неприятные известия о своей семье. Или экономический кризис разорил его фирму. Здесь может случиться все, что угодно, и лучше не беспокоить человека своим назойливым сочувствием.

Он снова прислушался. Всякие звуки прекратились. Дронго решил незаметно выйти из туалетной комнаты, чтобы не смущать неизвестного. Люди обычно не хотят, чтобы их видели в момент горя или отчаяния. В конце концов можно вытереть руки мокрой антисептической салфеткой, которые он носил с собой. Если неизвестный прошел в другую кабинку, то они с ним разминутся.

Дронго вышел. И увидел стоявшего перед зеркалом невысокого мужчину с печальным лицом. Тот смотрел на себя в зеркало, словно видел в первый раз. У неизвестного были всклокоченные волосы, мелкие черты лица, карие глаза, немного оттопыренные уши. Он был одет в дорогой темный костюм и светлую рубашку без галстука.

Неизвестный наклонился к умывальнику, открыл воду, чтобы умыться. Посмотрел на себя в зеркало, тяжело вздохнул. Дронго уже не мог отвернуться, сделав вид, что не замечает незнакомца.

– Вам плохо? – спросил Дронго. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

Вместо ответа неизвестный покачал головой, наклонился и неожиданно, уже не сумев сдержаться, громко разрыдался, стоя перед умывальником. Дронго подошел к нему. Даже немного театрально, недовольно подумал он. Слишком громко. Возможно, у незнакомца произошла трагедия, но нужно уметь себя сдерживать. В карманах у Дронго всегда были два носовых платка. Он достал один из них, протянул неизвестному.

– Умойтесь и вытритесь, – посоветовал Дронго, – и не нужно так громко плакать. Нас могут услышать.

– Да, да, конечно, – всхлипнул незнакомец. Он наклонился к умывальнику, начал умываться. Затем взял носовой платок и тщательно вытер лицо.

– Спасибо, – поблагодарил он, – если разрешите, я оставлю его себе. Мне неудобно возвращать его вам мокрым.

– Оставьте, – согласился Дронго, – никаких проблем.

– Это только на время, – сказал неизвестный, – я его выстираю и верну его вам, если вы оставите мне свой номер телефона.

– Обязательно, – кивнул Дронго, – иначе я просто потеряю сон из-за этого носового платка. Я буду разорен, если начну раздавать свои платки в туалетах каждому встречному.

Незнакомец всхлипнул и улыбнулся.

– Уже лучше, – продолжал Дронго, – а теперь скажите, ес-

ли хотите, что случилось. Почему вы так бурно реагируете? Что-нибудь произошло?

– Да, – кивнул неизвестный, – произошло. От меня ушла жена.

– И вы так переживаете? – не скрывая иронии, уточнил Дронго. – По-моему, нужно только радоваться. Если она решила уйти от вас, то ее, очевидно, было невозможно остановить. И она не очень хотела с вами жить. В таких случаях это почти идеальное решение. Чем мучиться вдвоем, лучше жить отдельно. Совместное проживание с женщиной, которая хочет от вас уйти, невыносимо.

– Она забрала с собой нашу дочь, – жалобно сообщил незнакомец.

– Это тоже поправимо. Существуют законы в любом цивилизованном обществе. Вы можете подать в суд и получить право видеть свою дочь столько, сколько сочтете нужным.

– Вы ничего не знаете, – устало выдохнул неизвестный, – у нас совсем иная ситуация. Я даже не знаю, как вам объяснить. В общем, она не просто ушла. Она меня бросила. Бросила, узнав, что я болен. И забрала с собой нашу дочь. Боюсь, что у меня не будет никаких шансов увидеть своего ребенка. Врачи считают, что у меня... онкология, – он выдал это слово с некоторой растерянностью, – опухли лимфатические узлы. Я даже не думал, что все может быть так быстро. Теперь говорят, что не больше года.

Дронго помрачнел. Когда на человека сваливается столь-

ко несчастий, трудно его успокоить. Да и как можно успокоить человека, узнавшего свой приговор и сразу преданного собственной супругой.

– Вы давно женаты? – спросил Дронго.

– Восемь лет, – сообщил неизвестный, – это моя вторая жена. С первой я развелся много лет назад. Лариса казалась мне воплощением всех моих лучших надежд. Пять лет назад у нас родилась девочка. Мы назвали ее Леночкой. Такая чудесная девочка. И так неожиданно все получилось. Моя болезнь, уход Ларисы, наши неприятности на работе.

– Как вас зовут?

– Извините, я не представился. Сутеев. Николай Евгеньевич Сутеев. Не помню, куда я положил свои визитные карточки. Извините, – он похлопал себя по карманам.

– Ничего страшного. Возможно, врачи ошиблись и ваш диагноз еще следует уточнить.

– Ничего они не ошиблись, – вздохнул Сутеев, – я уже дважды все проверил. Сейчас лечу в Германию, возможно, это моя последняя попытка.

– В любом случае не следует падать духом. Я представляю ваше состояние, но будет гораздо лучше, если вы встретите все последующие события достаточно мужественно и спокойно.

– Вам легко говорить, – он засунул руку в боковой карман, доставая галстук, который туда спрятал. На пол упали две визитные карточки. Он наклонился, поднял обе карточки,

протянул одну из них Дронго.

– Здесь указано, что я заместитель генерального директора компании «Ростан», – пояснил Сутеев, – хотя скоро от нашей компании тоже останутся одни воспоминания.

– Почему так?

– Экономический кризис. Мы пытались продержаться, уволили половину сотрудников, начали сокращать непроизводственные расходы, экономили буквально на всем. Но и это не помогло. Одним словом, везде плохо, – он махнул рукой с внезапно вспыхнувшим ожесточением.

По громкоговорителю пассажиров, вылетающих в Лондон, пригласили на посадку. Дронго поднял голову, прислушиваясь. Сутеев понял, что это рейс его собеседника.

– Идите, – кивнул он на прощание, – и спасибо вам за носовой платок. Если вы дадите мне свою визитную карточку, я вам обязательно позвоню и его вышлю.

Дронго достал из кармана свою визитку, протянул ее Сутееву. Тот взял, взглянул на карточку и положил ее в карман, очевидно, даже толком не читая. Сейчас ему было не до этого.

– До свидания, – сказал Дронго, – желаю вам всего хорошего. Чтобы ваш диагноз не подтвердился.

– Мне уже все равно, – махнул рукой Сутеев.

– И все-таки нужно бороться до конца, – убежденно произнес на прощание Дронго, выходя из туалетной комнаты. Ему было неловко стоять рядом с этим человеком, на кото-

рого навалилось столько несчастий сразу. Крах его компании, бегство супруги, тяжелая болезнь, не оставляющая ему шансов на выживание...

Дронго забрал свою сумку. Уже направляясь к выходу из салона, он размышлял о Сутееве. Почему все так несправедливо? Кажется, есть такая русская поговорка: «Пришла беда – отворяй ворота». Даже по статистике не может быть подобных роковых совпадений. Хотя почему совпадений? Может, просто нужно все поменять местами? В результате экономического кризиса, потрясшего весь мир, начала разоряться компания Сутеева. Напряженная работа вызвала обострение болезни, нервные потрясения вызвали сбой в организме. Это в свою очередь сказалось на характере Сутеева и на его отношениях с женщиной. Вполне возможное развитие событий. Судя по тому, как Сутеев вел себя в туалетной комнате, у него несколько истерический характер, что могло сказаться на его отношениях с супругой. Да и возраст мог сказываться. На вид ему под пятьдесят. Интересно, сколько его жене? И почему Сутеев развелся со своей первой супругой?

Дронго прошел в самолет, уселся в свое кресло. Он обычно не садился у иллюминатора, предпочитая не смотреть вниз.

Вся наша устоявшаяся жизнь может оборваться в один момент, печально подумал он. Где-то дает сбой какой-то ген или происходит мутация клеток. На работе начинаются неприятности, нарастающие как снежный ком. Они перете-

кают в личную жизнь. Или, наоборот, сбои в личной жизни отражаются и на службе, делая человека раздражительным, мнительным, подозрительным, эгоистичным.

В чем замысел Творца, подумал он. Почему один человек бывает удачлив в финансах, семейной жизни, живет долго и счастливо? А другой словно рождается для того, чтобы прожить свою жизнь тяжело и страшно. Почему так несправедливо обходится Творец или Рок с одним человеком при явной благосклонности к другому? Чем определяется подобная благосклонность? Или у Бога могут быть свои «любимчики»?

Лайнер начал набирать высоту. Дронго закрыл глаза. Нужно постараться забыть этот неприятный инцидент в Домодедово. У любого человека есть свои проблемы, с которыми он пытается справиться. Некоторым это удается, большинство опускает руки, уже не пытаясь бороться. Судя по всему, Сутеев не из тех, кто может спасти себя сам. Он привычно опустит руки и поплывет по течению. Хотя, с другой стороны, он плачет, но летит в Германию, чтобы сделать новые анализы и окончательно подтвердить свой диагноз. Неужели его так волнует уход супруги? Или в такой момент обострения всех эмоциональных проявлений ему особенно больно, что она уходит от него, фактически предавая его в самый сложный момент жизни.

– Что вы будете пить? – спросила его стюардесса, когда лайнер уже набрал высоту.

– Налейте мне два стакана, – попросил он, отвлекаясь от мрачных мыслей, – в один томатный сок с лимоном и перцем, а в другой водку, тоже с лимоном. Ничего не мешайте, я сам все сделаю.

– Хорошо, – улыбнулась она, – вы хотите сделать «Кровавую Мэри»?

– Да. Только сам.

Он не скажет стюардессе, что почти не употребляет алкоголь в обычной жизни, предпочитая стакан красного вина за ужином или поздним обедом. Но в самолетах он обычно позволял себе расслабиться. Именно для того, чтобы легче перенести полет. Уже через полчаса он заставил себя забыть о Сутееве, даже не подозревая, что столкнется с этой историей через месяц, когда вернется в Москву.

Глава вторая

В Москву Дронго вернулся через тридцать четыре дня. Из Лондона он полетел в Рим, где провел две недели вместе с Джил и детьми. Затем они отправились в Испанию, где любили отдыхать, и еще через полмесяца вернулись обратно в Италию. Все было слишком хорошо, чтобы длиться долго. Джил понимала, что он уедет, и ничего не спрашивала. Она уже привыкла к его частым отъездам и жизни на несколько стран и домов. Он искренне считал, что при своей профессии частного эксперта просто не имеет морального права находиться рядом с семьей, невольно подставляя их под свои расследования и ненависть своих оппонентов.

В аэропорту его встречал Эдгар Вейдеманис, его многолетний напарник и друг. Уже в машине, он коротко сообщил Дронго, что его ищет господин Сутеев, позвонивший по городскому телефону в их небольшой офис, находившийся на проспекте Мира.

– Какой Сутеев? – не понял Дронго. – Я впервые в жизни слышу эту фамилию.

– Он говорит, что у него есть твоя визитная карточка.

– Не знаю, не помню. А кто он такой?

– Представился как господин Сутеев. Срочно хочет тебя видеть. Говорит, что очень важное дело.

– Сутеев, Сутеев, – дважды повторил Дронго, – ты его сам

видел?

– Нет. Он звонил только по телефону и разговаривал с Леней Кружковым.

Это был второй помощник Дронго. Собственно, из них двоих и состоял весь штат помощников.

– Сутеев. Что-то знакомое. Возможно, я его знаю. Он сказал, по какому вопросу хочет со мной встретиться?

– Нет. Но говорил, что ему нужно обязательно тебя увидеть.

– Сутеев, – он снова попытался вспомнить. Память подсказала встречу в аэропорту, происшедшую почти пять недель назад. Плачущий человек над умывальником. Он дал ему свой носовой платок, а тот протянул ему свою визитную карточку. И его фамилия была... Сутеев. Точно. Он наконец вспомнил. Сутеев. Тот самый несчастный незнакомец, от которого ушла жена с дочерью. Кажется, он летел в Германию, чтобы проверить свой роковой диагноз. Точно, это был он. И Дронго дал ему свой носовой платок и визитную карточку.

– Кажется, я его помню, – недовольно сказал Дронго, – такой невзрачный человек с трудной судьбой. Я действительно дал ему свою визитную карточку. Может, ты сам встретишься с ним и переговоришь? Мне бы не хотелось снова встречаться с этим человеком.

– Он тебе неприятен? – спросил Вейдеманис.

– Наоборот. Мне его жалко. Такая несчастная судьба. Экономический кризис разорил его компанию. У него на-

шли неизлечимую болезнь, и вдобавок от него ушла жена.

– Так не бывает, – усмехнулся Эдгар, – если только в кино.

– В жизни как раз так и бывает. Если разоряешься, то будь готов к разным неприятностям, в том числе и к возможной болезни. Или, наоборот, если неизлечимо заболел, то вполне возможно, что дела у тебя в бизнесе пойдут не очень хорошо, что скажется и на твоих семейных отношениях.

– Откуда ты все это знаешь про Сутеева?

– Он мне сам все рассказал. Такой несчастный слабый человек, который еще и тихо плакал, рассчитывая, что его никто не слышит. В какой-то момент мне стало его очень жалко.

– Может, тебе действительно лучше с ним не встречаться. Я с ним сам переговорю. Действительно, чем ты сможешь ему помочь?

– Неудобно. Возможно, он хочет просто еще раз встретиться со мной, чтобы высказаться, попытаться что-то объяснить. Я встретил его, когда он был не в лучшем состоянии.

– Тогда поступай как знаешь, – пожал плечами Эдгар, – только учти, что ты не мать Тереза и не можешь помогать всем страждущим и несчастным. Во всяком случае, экономический кризис в компании или развод с непостоянной супругой мало входит в твою компетенцию.

– Надеюсь, что вообще не входит, – улыбнулся Дронго. – Позвони ему и скажи, что я готов завтра с ним встретиться. Где ему удобно.

Больше на эту тему они не говорили. На следующий день Вейдеманис перезвонил и сообщил, что Сутеев готов приехать в их офис на проспекте Мира для личной встречи. Сегодня в пять часов вечера. Дронго согласился и положил трубку.

На проспекте Мира они арендовали три небольшие комнаты. В приемной обычно сидела девушка-секретарь, отвечавшая на телефонные звонки и принимавшая факсы. В соседней комнате размещались Эдгар Вейдеманис и Леонид Кружков, а в кабинете бывал и сам Дронго, хотя здесь он появлялся очень редко. Секретари часто менялись, они не должны были знать всех подробностей работы эксперта. В их обязанности входили только регистрация поступающих обращений и связь с внешним миром. А также своевременная выплата всех полагающихся платежей – за свет, газ, воду, аренду помещений. Финансовыми вопросами непосредственно занимался Кружков.

Дронго приехал в офис в половине пятого. Он помнил о прежней встрече и заранее настроился на минорный лад. Ровно в пять часов секретарь доложила ему, что пришел гость. Дверь открылась, и в кабинет вошел невысокий мужчина лет пятидесяти. У него были редкие рыжеватые волосы, стертые черты лица, немного курносый нос. Он был одет в джинсы, темный пуловер и кожаную куртку. Дронго удивленно взглянул на гостя. Кажется, его решили разыграть. Это был не Сутеев, это был совсем другой человек.

– Здравствуйте, – не очень решительно сказал вошедший, – извините, что я вас беспокою. Я Сутеев.

– Вы Сутеев? – недоверчиво переспросил Дронго. – Простите, но я помню господина Сутеева, которому я дал свою визитную карточку. Вы на него совсем не похожи. Можно я посмотрю ваши документы?

– Да, да, конечно, – гость достал из кармана паспорт, – можете посмотреть. Я Сутеев Дмитрий Романович.

Дронго взял паспорт, открыл его. Все верно. Вошедший действительно был Сутеевым, очевидно, родственником того Сутеева, которому он дал свою визитную карточку.

– Садитесь, – предложил Дронго, возвращая паспорт, – я думал, что вы другой Сутеев.

– Это был мой двоюродный брат, – сказал Сутеев, – Николай Евгеньевич Сутеев. Наши отцы были братьями.

– Почему был? – спросил Дронго. – С ним что-то случилось?

– Да. Его убили.

В наступившем молчании Дронго поправил ручки, лежавшие на столе, подвинул к себе стопку чистой бумаги.

– Когда это произошло? – уточнил он.

– Примерно две недели назад, – сообщил Дмитрий Романович. – Он возвращался домой, и убийца подждал его на лестничной клетке. Когда Николай вышел на площадку из кабины лифта, чтобы открыть входную дверь, убийца подошел сзади и выстрелил в моего двоюродного брата. Когда он

стрелял, Николай обернулся, и пуля попала почти в самое сердце. Только одна пуля. И она оказалась смертельной. Я бы этого грабителя своими руками задушил.

– Почему грабителя?

– А кто еще там мог быть? Самое любопытное, что убийца ничего не взял, следователи нашли у Николая в кармане около двух тысяч евро. Наверное, не успел, его спугнули. И ключи от квартиры. Говорят, что Коля умер почти сразу. Но только через полчаса его обнаружила соседка, которая звала милицию. Следователь говорит, что он лежал там не больше часа.

Сутеев нахмурился. Немного помолчал.

– Меня в этот вечер в городе не было, – мрачно пояснил он, – я был в командировке, в Киеве. Мне позвонили туда уже ночью, и я сразу выехал. Несчастный Николай, кто мог подумать, что все так страшно закончится!

– А как вы узнали, что мы были с ним знакомы?

– Мы нашли вашу визитную карточку у него в кармане, – пояснил гость, – и поэтому я сразу решил обратиться именно к вам.

– Почему именно ко мне?

– Я уже наводил некоторые справки, и мне сказали, что вы один из лучших экспертов, которые расследуют уголовные преступления. За две недели после убийства следователь прокуратуры так ничего и не нашел. На все наши запросы мне отвечают, что следствие работает. А мне обидно. И за

Колю, который не должен был так погибнуть, и за нас всех. Какой-то мерзавец, убийца ходит по земле, дышит воздухом, радуется жизни, а Николай лежит в сырой могиле. Несправедливо. Вот почему я решил вам позвонить. Наверное, вы были с ним близко знакомы, если ваша карточка лежала у него в кармане. Может, даже дружили, не знаю. Но я пришел, чтобы вы нам помогли.

Дронго молчал.

– Я понимаю, что вы частный эксперт, – продолжал Сутеев, – и вы наверняка берете крупные гонорары, если вы такой известный человек, но у нас сейчас нет таких возможностей. Я не знаю, как мне с вами разговаривать, честное слово, не знаю. Просить вас бесплатно провести расследование – все равно, что просить одолжить нам деньги. Стыдно и неудобно. А заплатить вам мы сейчас не сможем. Пока его счета заблокированы, а на имущество наложен арест. На него претендует его супруга.

Дронго по-прежнему молчал.

– Он был не бедный человек, – быстро добавил Сутеев, – я думаю, вы об этом знаете. В любом случае, у нас есть его завещание, по которому он оставляет мне свой загородный дом в Нижнем Новгороде. Он стоит не меньше тридцати-сорока тысяч долларов. Когда все закончится, я смогу его продать и заплатить вам деньги...

– Вы считаете, что пришли к ростовщику, который озабочен только состоянием своего банковского счета? – недо-

вольно спросил Дронго. – Я случайно познакомился с вашим двоюродным братом. Абсолютно случайно и чуть больше месяца назад. Наше знакомство произвело на меня гнетущее впечатление. Столько несчастий, которые обрушились на него, могли вызвать потрясение и у более закаленного человека. Плюс это жестокое убийство. Я понимаю ваше состояние, господин Сутеев, но не нужно меня оскорблять. Я прежде всего человек, который не должен оставаться равнодушным к подобного рода историям. Хотя бы потому, что мы все в ответе за красоту этого мира. Так говорил один из английских королей.

– Спасибо, – взволнованно произнес Сутеев.

– Теперь я позову сюда моего напарника, и мы побеседуем с вами о вашем погибшем родственнике более обстоятельно, – предложил Дронго. Он поднял трубку телефона, вызывая Эдгара Вейдеманиса. Когда тот вошел в кабинет, Дронго представил гостя:

– Дмитрий Романович Сутеев. Двоюродный брат моего знакомого. Увы, уже покойного.

– Что случилось с господином Сутеевым? – уточнил Вейдеманис, присаживаясь к столу.

– Его убили, – мрачно сообщил Дронго, – и его кузен пришел к нам с просьбой о помощи.

– Как это произошло? – спросил Эдгар.

– На лестничной клетке. Кто-то выстрелил в него, когда он вышел из кабины лифта.

– Может, это был обычный грабитель?

– Не знаю. Может, и грабитель. Только в карманах погибшего нашли две тысячи евро и ключ от квартиры. Я правильно все излагаю? – обратился Дронго к Дмитрию Сутееву.

– Верно, – кивнул тот, – все так и было.

– Вы знали, что ваш двоюродный брат тяжело болен? – спросил Дронго у Сутеева.

– Знал. Насколько серьезно, он не говорил. Но позвал меня и сообщил, что сделал завещание на дом. Наши отцы были из Нижнего Новгорода, и там у его семьи оставался отцовский дом. Вот он мне его и завещал. Сказал, что так будет справедливо. Я еще пошутил, что завещание нужно делать после семидесяти, а он так серьезно мне ответил, что у него может не быть столько времени. Вот тогда я понял, что он не шутит. По его лицу было заметно, какие у него проблемы со здоровьем. Но он ничего мне конкретно не говорил. Хотя и сказал, что поедет в Германию на обследование.

– Когда приехал, вы с ним виделись?

– Два раза. Вот тогда только он мне и рассказал, что врачи не дают ему никаких гарантий, но считают, что нужно пройти курс химиотерапии. Так, кажется, это называется. И я понял, что у него нечто серьезное.

– Когда вы видели его в последний раз?

– За два дня до смерти. Я как раз поехал к нему домой, и мы вместе поужинали. Он не любил ходить в рестораны, обычно предпочитал ужинать дома.

– Вы были вдвоем?

– Да. Он заказывал еду в ресторане недалеко от его дома.

– Где он жил?

– Не очень близко. На Профсоюзной улице. Рядом с площадью Академика Келдыша.

– Вы считаете это далеким местом от центра?

– Раньше он жил на проспекте Академика Сахарова в новом доме. Раньше... до развода. До разрыва.

– Он развелся с женой?

– Нет. Формально они муж и жена, но фактически они уже два месяца как жили отдельно. Она съехала с дачи, на которой они жили, и вернулась в их квартиру. А он, как порядочный и приличный человек, не стал претендовать на эту квартиру, решив, что будет правильно, если он переедет в их старую квартиру. Раньше они жили на Профсоюзной, потом переехали в новый дом. Как раз за полгода до рождения Лены. Это его дочь.

– С этого момента давайте подробнее. Сколько лет было вашему двоюродному брату?

– Сорок семь. Они поженились, когда ему было только тридцать девять.

– А его супруге?

– Почти тридцать. У обоих это был второй брак. Вы знаете, я все время чувствовал, что она не совсем искренне относится к Коле. Всегда была в каком-то напряжении, когда появлялись родственники мужа. Как-то непонятно себя ве-

ла, нервничала, дергалась. У нее ведь был неудачный брак с первым мужем. Тот был чиновником из налогового ведомства. Крупным чиновником, кажется, начальником управления. Но начал злоупотреблять спиртным, позволял себе заводить интриги на стороне, в общем, вел себя непотребно. И они развелись, когда ей было только двадцать пять. Он был старше ее на четырнадцать лет. Наверно, это какой-то непонятный комплекс, ведь Николай тоже был старше нее на девять лет. Сначала у них долго не было детей, и только через три года родилась Леночка. Вы бы видели, как тогда радовался Николай, как он гордился своей дочерью. Ведь от первого брака у него детей не было.

– А где его первая жена?

– Уже давно замужем. Они поженились, когда обоим было по девятнадцать. А через четыре года развелись. Так, наверное, бывает. Молодые, глупые, вместе учились. Такая несознательная юношеская любовь. Она сейчас замужем. Ей тоже сорок семь лет, и у нее двое взрослых сыновей. По-моему, даже есть внуки. Светлана Лебеденко, по мужу она, кажется, Новикова, но я могу что-то напутать.

– У супруги вашего брата были дети от первого брака?

– Да. У нее есть сын. Ему уже шестнадцать, он заканчивает школу. Говорят, что он достаточно сложный подросток. Но я с ним почти не знаком, он большую часть времени проводил у своей бабушки, матери Ларисы.

– Она была на похоронах?

– Конечно, была. И очень сильно плакала. Вы бы видели, как она переживала, даже почернела от горя. Не поймешь этих женщин. Сама взяла дочку и ушла из дома, а потом так убивалась на похоронах. Ничего не понятно. Но формально она теперь наследница всего имущества моего брата. Она и их дочь. Так мне сказал адвокат.

– Причину их разрыва вы знаете?

– Понятия не имею. Николай ничего не говорил, а я ничего не спрашивал. Разве можно о таком спрашивать! Мужичку и без того тяжело, чего ему душу разворачивать своими вопросами?

– Вы кого-то конкретно подозреваете?

– Нет, – испугался Дмитрий, – нет, конечно. Иначе я бы сразу этого убийцу сдал прокуратуре. Я никого не подозреваю. Не думаю, что у Николая могли быть враги. Он был очень хорошим человеком. Это мог быть какой-нибудь отморозок.

– А как на работе? У них ведь были неприятности в компании, где он работал.

– Откуда вы знаете?

– Он сам мне об этом сказал.

– Да, были. Кто мог подумать, что начнется этот кризис. Они взяли большие ссуды, и их нужно было возвращать. Взяли в долларах. Тогда выгодно было брать в долларах, очень выгодно, ведь рубль дорожал с каждым днем и уже стоил почти двадцать три рубля. Получалось, что брал десять тысяч

долларов, а возвращал с процентами девять с половиной. Кто мог подумать, что начнется такой кризис, снова произойдет девальвация и рубль рухнет почти на пятьдесят процентов.

– Вы работали с ним?

– Нет. Я снабженец в другой фирме. Занимаюсь поставками мясопродуктов в супермаркеты. У нас тоже свои проблемы. И очень большие.

– Кто еще из близких родственников был у вашего двоюродного брата?

– Моя сестра. Она живет в Санкт-Петербурге. Еще два наших двоюродных брата, дети сестры наших отцов. Они живут в Белоруссии. Там живет и наша тетка с мужем. Вот, пожалуй, и все. Из близких родственников только мы.

– Вы видели его завещание?

– Нет. Но говорят, что оно хранится у ноотариуса. Бедный Коля все предусмотрел. Он вообще был очень предусмотрительным человеком. Это у него с детства. Он все время выигрывал олимпиады по математике, умел хорошо считать.

– Какое имущество у него осталось? Квартира на проспекте Сахарова, квартира на Профсоюзной. Что еще?

– Небольшая дача. Он построил ее три года назад. Двухэтажный домик на берегу речки. Ничего особенного. Может потянуть тысяч на сто пятьдесят, двести, не больше.

– И все? Акций других компаний у него не было?

– Насколько я знаю, не было. Для него смыслом существования была их компания «Ростан». А когда там начались

неприятности, он очень переживал. Даже ездил в Австрию, в Германию, пытался найти там кредиторов, но каждый раз возвращался ни с чем.

– А счета в банках?

– Не думаю, что у него оставались большие деньги. Они вместе с генеральным директором «Ростана» пытались спасти свою компанию, отдавая туда все, что имели. Я просто отдаю должное его мужеству, – взволнованно произнес Дмитрий Сутеев, – он уже понимал, что обречен.

– Если он знал, что неизлечимо болен, то неудивительно, что он решил все предусмотреть. Значит, его первый брак был бездетным и там не могло остаться наследников, способных претендовать на его имущество.

– Никаких. У него единственный наследник – его дочь, которой сейчас пять лет.

– Не совсем. Адвокат вам правильно все объяснил. Согласно российскому законодательству, супруга вашего мужа может претендовать на половину его имущества и денег, нажитых в период совместной жизни. А остальная половина делится между наследниками. Между ней и его дочерью.

– Получается, что она возьмет все деньги Коли? – разозлился Дмитрий Романович. – Это несправедливо.

– Как раз очень справедливо. Формально она его супруга, ведь развода не было. Вернее, его вдова. По любой логике половина имущества должна отходить супругу или супруге, а остальная половина делится между наследниками первой

очереди. Это дети и родители.

– А его братья и сестры?

– Двоюродные братья и сестры наследники четвертой степени, – пояснил Дронго, – если нет специального завещания, оговаривающего ваши права, как с наследованием дома в Нижнем Новгороде. Наследники второй очереди – это внуки, дедушки, бабушки. Третья очередь за дядями и тетями. И только потом двоюродные братья и сестры. А жены и мужья идут вне категории. Им в любом случае должна отходить половина имущества и наследство из второй половины.

– Несправедливо, – вздохнул Сутеев.

– А мне кажется, наоборот. Очень справедливо и логично. Ведь супруги совместно наживают имущество, значит, его нужно сначала поделить пополам и уже потом из оставшейся половины выдавать наследство супругу. А если нет несовершеннолетних детей и родителей, то вообще все имущество отходит супруге.

– Теперь буду знать, – кивнул Сутеев, – моим детям уже за восемнадцать. Значит, в случае моей смерти все останется моей жене. И только ей одной?

– Если вы не оставите завещания, то только ей одной. Сколько лет вашим детям?

– Сыну двадцать три, а дочери двадцать. Они оба еще учатся.

– Они уже совершеннолетние. Значит, главный наследник ваша супруга. Как и вы главный наследник своей супруги.

– Но это нечестно, – нахмурился Сутеев, – мой брат всю жизнь работал, пахал как проклятый. И деньги зарабатывал большие, новую квартиру купил, дачу построил, две машины приобрел. А Лариса все время дома сидела. Но деньги, значит, нужно делить пополам?

– В вас говорит глупый мужской шовинизм. А разве женский труд дома не менее важен, чем мужское пребывание на работе? Разве они мало работают дома? И это не должно засчитываться как их совместное проживание, ведь жена должна заботиться о доме, детях, своем муже, а это тоже нелегкий труд.

– Бросьте меня убеждать. У Ларисы была няня, кухарка, горничная, домработница, водитель. И все на деньги моего брата. Тоже мне работа. Она не вылезала из салонов красоты и фитнес-центров. Если вы ее увидите, то все сразу поймете. Она думала только о своей фигуре и макияже, – зло произнес Сутеев, – а когда она действительно была нужна моему двоюродному брату, то бросила его.

– Тем не менее закон будет на ее стороне, если ваш брат не оставил специального завещания. Но даже в этом случае он мог распоряжаться только половиной своего имущества и денег. Вторая половина гарантированно отходит к его вдвое. Таков закон.

– Тогда получается, что больше всех она и была заинтересована в его убийстве, – мрачно сказал Сутеев. – Иначе он мог бы с ней развестись и найти себе другую жену, более

покладистую и с меньшими амбициями.

– Возможно, – согласился Дронго, – но это пока только ваши предположения.

– Бедный Коля. Значит, вы согласны нам помочь? Я готов продать дом в Нижнем Новгороде, как только мне оформят его в собственность, и расплатиться с вами. Только найдите убийцу. Я не хочу, чтобы Коля ушел на тот свет неотомщенным. Это у какого гниды рука поднялась на больного человека? Я хочу все знать.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот усмехнулся. Он уже знал, как ответит его друг.

– Хорошо, – сказал Дронго, – про деньги мы говорить не будем. Вы оплатите наши текущие расходы, которые могут возникнуть в процессе расследования. Небольшие расходы на передвижение по городу и телефонные разговоры. Я постараюсь вам помочь. Сделаю все, что смогу. Но вы должны мне помогать. Договорились?

– Да, – обрадовался Сутеев, – спасибо большое. Вы знаете, что мне сказал один мой знакомый? Он бывший сотрудник уголовного розыска, сейчас начальник службы безопасности в крупном супермаркете. Когда он услышал, что в кармане моего брата была ваша визитка, он мне даже не поверил. А потом сказал, что нам всем очень повезло. Если сам Дронго знал моего погибшего брата и согласится провести свое расследование. Считай, что убийца уже в тюрьме, сказал мне мой знакомый.

– Он слишком категоричен, – вздохнул Дронго, – убийцу еще нужно найти.

Глава третья

Трудно было предположить, как именно развернутся последующие события. Но они начали разворачиваться непредсказуемо. Рано утром в его городской квартире раздался телефонный звонок. Он открыл глаза и посмотрел на часы. Было только двадцать минут десятого. Интересно, кто из знакомых может звонить в такое раннее время? Он услышал щелчок громкоговорителя. Записанный на магнитофон автоответчик сообщил, что хозяина нет дома, и попросил оставить сообщение. Сразу раздался незнакомый молодой голос.

– С вами говорят из прокуратуры. Следователь Талганов. Мне нужно с вами увидеться. По моим сведениям, вы уже вернулись в Москву. Срочно перезвоните в прокуратуру. Я сейчас продиктую свой номер телефона. Иначе нам придется вызывать вас повесткой.

Следователь продиктовал номер телефона и положил трубку. Дронго нахмурился. Только этого ему не хватало для полного счастья. Интересно, зачем он понадобился следователю прокуратуры? Или это дело связано с погибшим Сутевым? Скорее всего, именно так. Наверно, следователь тоже узнал о найденной визитной карточке и захотел познакомиться с экспертом по расследованию тяжких преступлений, который оказался знакомым погибшего бизнесмена. Дронго

поднялся с кровати. Заснуть он уже все равно не сможет.

По привычке приняв душ и тщательно побрившись, он подошел к городскому аппарату, поднял трубку, набрал номер телефона следователя прокуратуры. Когда раздался его голос, Дронго вежливо уточнил:

– Господин Талганов? Вы звонили мне сегодня утром. Я как раз был в душе. Могу я узнать, чем вызван ваш ранний звонок?

– Можете. Если сегодня приедете ко мне, – жестко сказал следователь. – И уточним ваши инициалы. Фамилию, имя, отчество. Я не совсем понимаю, что такое Дранко, хотя мне говорят, что вы достаточно известный человек в определенных кругах.

– Это только слухи. И не Дранко, а Дронго. Меня обычно так называют.

– У нас в прокуратуре не приняты клички, – сразу заявил следователь, – мы привыкли обращаться к гражданам по фамилиям или по имени-отчеству. Когда вы сможете ко мне приехать?

– Это официальный вызов?

– Считайте, что так. Когда мне вас ждать?

– В двенадцать. Вам удобно?

– Я весь день на работе. Мне удобно все, что помогает нашему расследованию. Ровно в двенадцать часов я буду вас ждать. Пропуск будет внизу, у дежурного. Постарайтесь не опаздывать.

– Понятно. Можно один вопрос?

– Какой?

– Сколько вам лет?

– Это не имеет к нашим делам никакого отношения, – отрезал Талганов и положил трубку.

«Молодой и задиристый, – подумал Дронго, – считает себя уже лучшим профессионалом и всех, кто старше его хотя бы на несколько лет, – никчемными стариками. Не говоря уже о тех, кому за сорок. Эти для него просто «выживающие из ума бронтозавры». Все правильно. В молодости мы всегда бываем категоричны. Придется ехать к этому Талганову и узнать, что ему нужно».

Без пяти двенадцать он уже был у дверей прокуратуры. Поднялся на второй этаж, где его ждал следователь Аксен Талганов. Дронго открыл дверь:

– Разрешите?

– Я занят, – крикнул ему Талганов. Он говорил по телефону.

Дронго улыбнулся и закрыл дверь, отступая в коридор. Талганову было не больше двадцати пяти. У него было круглое лицо, характерные узкие глаза, приплюснутый нос. Очевидно, он был родом откуда-то с Северного Кавказа. У молодого человека были пухлые, но упрямо сжатые губы. Он еще наслаждался своей должностью и огромными правами, которые давала эта должность.

Дронго подошел к окну. Сколько таких молодых «петуши-

ков» он видел в своей жизни. Увы, жизнь обламывает их очень быстро. Некоторые закаляются, превращаясь в злых и бойцовых петухов. Некоторые ломаются, уходя из органов, предпочитая сменить профессию. Некоторые становятся циниками, равнодушными к судьбам людей, с которыми работают. У каждого своя жизнь, но как стремителен путь от молодого, дерзкого, полного амбиций и надежд следователя Талганова до раздавленного жизненными обстоятельствами, поникшего, сдавшегося и ни на что не претендующего Николая Сутеева! Дронго посмотрел в окно.

– Где вы пропадаете? – услышал он за спиной голос следователя. Очевидно, Талганов, закончивший телефонный разговор, не выдержал и сам выбежал из кабинета, чтобы найти вызванного свидетеля.

– Вы сказали, что заняты, – спокойно ответил Дронго, поворачиваясь к нему лицом.

– Заходите, – пригласил следователь, – я уже освободился. Дронго вошел следом за Талгановым в небольшой кабинет. Следователь уселся в свое кресло. Достал небольшой магнитофон. Положил его на столик.

– Я буду записывать наш разговор, – сообщил он, – а потом все оформлю в качестве протокола. Вам нужно будет еще раз зайти к нам, чтобы все прочитать и подписать.

– Обязательно, – кивнул Дронго, – задавайте ваши вопросы.

– Сначала формальности, – возразил Талганов. Очевидно,

молодой следователь хотел, чтобы последнее слово в разговоре со свидетелями всегда оставалось за ним.

– Ваше имя, отчество, фамилия, год рождения, место рождения, национальность, гражданство, – начал перечислять следователь, доставая анкету.

Дронго привычно отвечал.

– Вы не гражданин России, – уточнил Талганов, – значит, вы иностранец?

– Не совсем. У меня есть право на жительство, – сообщил Дронго, – и моя квартира в Москве. Хотя я живу здесь меньше половины года и поэтому, согласно российскому законодательству, не плачу налогов в России.

– Это вы расскажите налоговой службе, – нервно произнес следователь. – Значит, вы нарушаете закон, не регистрируясь в Москве. Уже за одно такое правонарушение вас следует удалить из нашей столицы.

– Интересная мысль, – улыбнулся Дронго.

– Значит, отметим, что вы являетесь сознательным правонарушителем и не имеете права находиться на территории нашей страны без обязательной регистрации.

– Имею, – возразил Дронго, – я же вам сказал, что у меня есть право на жительство, раз я владею собственностью, зарегистрированной на мое имя.

– Но вы гражданин другого государства, – не согласился Талганов, – и как представитель прокуратуры я буду вынужден сделать официальный запрос по вашему пребыванию в

нашей стране. Вы нарушаете российское законодательство, согласно которому все граждане иностранных государств, в том числе и стран СНГ, прибывающие в нашу страну на срок более трех суток, обязаны пройти регистрацию и...

– Хватит, – попросил Дронго, – у меня дипломатический паспорт.

– Что? – не сразу понял следователь.

– У меня дипломатический паспорт, – повторил Дронго. – Согласно вашему законодательству, лица, прибывающие в вашу страну с дипломатическими и служебными паспортами, не подлежат обязательной регистрации.

Талганов нахмурился. Затем быстро сказал:

– Покажите ваш паспорт.

Дронго достал паспорт. Следователь внимательно изучил его, затем вернул документ.

– Извините. Согласно нашему законодательству, я не имею права допрашивать дипломатических работников без присутствия консула вашей страны. Если вы разрешите, мы перенесем нашу встречу на другой день, и я приглашу сотрудника посольства, чтобы он присутствовал на нашей беседе.

– В этом нет необходимости, – сказал Дронго. – Послушайте, Талганов, не нужно придумывать различные сложности. Вы пригласили меня для беседы, давайте побеседуем. И помните, что я всегда на вашей стороне. Ведь у нас одинаковые профессии. Я тоже юрист по образованию и всю

свою жизнь занимаюсь тем, что пытаюсь помочь невиновным, разыскивая виноватых. Вы ведь наверняка об этом слышали.

– Да. Говорят, что вы один из лучших международных экспертов.

– И поэтому у меня есть дипломатический паспорт. И паспорт эксперта ООН. Голубой паспорт сотрудника международной организации. Поэтому не стоит углубляться в формальности. Вы же не захотите приглашать сюда еще и Генерального секретаря ООН. Тем более что он наверняка не придет к вам в прокуратуру. Давайте перейдем сразу к делу. Зачем вы меня позвали?

– Я нарушаю закон, беседуя с вами без сотрудника вашего посольства.

– Ничего вы не нарушаете. В данном случае я сам пришел на нашу беседу. И не говорите о формальностях, иначе я потребую переводчика. По российскому уголовно-процессуальному законодательству, я имею право на переводчика, так как плохо владею русским языком. Представляете, сколько времени вы в таком случае потеряете, пока найдете сотрудника посольства и независимого переводчика?

Талганов впервые улыбнулся. И сразу потерял облик сурового следователя. Он был очень молодым человеком, только осваивающим азы следственной работы.

– Вы говорите по-русски лучше меня, – убежденно сказал следователь.

– Это вам только кажется. Зачем вы меня позвали? Догадываюсь, что по делу Сутеева. Верно?

– Откуда вы знаете? Кто вам об этом сообщил?

– Очень просто. Когда я пытался войти в ваш кабинет, я услышал фамилию Сутеева. У вас на столе лежат документы, среди которых тоже есть эта фамилия. Когда я сел, я успел ее прочесть. Два совпадения подряд, и я делаю нужный вывод.

– Где? – испугался Талганов, глядя на лежавшие перед ним бумаги. – Здесь ничего нет. И я не упоминал фамилию Сутеева по телефону, когда разговаривал. Вы не могли ее услышать. Я говорил совсем по другому делу.

– Конечно, – согласился Дронго, улыбнувшись, – это всего лишь обычный розыгрыш, господин следователь. Демонстрация методов дедуктивного мышления.

– Вы меня разыграли? – понял Талганов.

– А вы как думаете? Вы действительно не называли эту фамилию, и на вашем столе нет бумаг из дела об убийстве Николая Сутеева. Но искали вы меня и позвали в прокуратуру именно из-за этого дела, очевидно, узнав, что в карманах погибшего была моя визитная карточка.

– Верно, – удивленно кивнул следователь, – но как вы узнали?

– Объяснение достаточно простое. Вчера у меня был двоюродный брат погибшего – Дмитрий Сутеев, который рассказал мне обо всем случившемся, и от него я узнал про мою

визитную карточку, которую нашли в кармане пиджака убитого. Очевидно, кто-то из знакомых Сутеевых уже успел сообщить об этом милиции, а те информировали вас. Догадываюсь даже кто. Среди знакомых Дмитрия Сутеева есть бывший сотрудник уголовного розыска. А они по старой привычке всегда сливают подобную информацию действующим сотрудникам уголовного розыска.

– Здорово, – не удержался Талганов, – все так и было. Вы действительно отменный профессионал.

– Не перехваливайте. Это было несложно. Значит, убийство Сутеева поручили именно вам? Боюсь, что я вас разочарую. Я ничего не знаю ни о погибшем, ни о его возможных убийцах. И вообще меня не было в Москве больше месяца. Я случайно познакомился с Николаем Сутеевым, когда улетал из Москвы. Абсолютно случайно. И дал ему свою визитную карточку. Он себя плохо чувствовал, и я передал ему свой носовой платок. Он попросил мою карточку, чтобы вернуть мне платок. Дал мне свою, а я дал ему свою. Вот, собственно, и все. Больше ничего конкретного я не знаю и знать не могу. К моему большому сожалению, иначе я бы с удовольствием помог вам в этом расследовании.

– А зачем Дмитрий Сутеев приходил к вам?

– Он хочет, чтобы я помог в расследовании этого убийства.

– И вы готовы ему помочь?

– Я бы не ставил так вопрос. Скорее помочь установить

истину. Если хотите, помочь вам тоже.

– Извините, – сказал, немного покраснев, Талганов, – но мы в вашей помощи не нуждаемся. Не забывайте, что вы иностранец.

– Во-первых, я международный эксперт, а это подразумевает, что я могу работать на территории любой страны, если не нарушаю законов данного государства. Насколько я помню, Россия является членом ООН. А во-вторых, я имею право заниматься тем, чем хочу, проводя собственное расследование. Например, как журналист. Я ведь не претендую на статус официального лица, но я имею право проводить расследование на правах друга семьи или журналиста.

– С вами трудно спорить, – усмехнулся Талганов, – вы настоящий юридический крючокотвор.

– Скорее опытный юрист. Не забывайте, что я всю жизнь занимаюсь только этими расследованиями. Вы не сказали, сколько вам лет, когда сегодня утром я пытался уточнить ваш возраст.

– Двадцать четыре.

– Я примерно так и думал. Давно закончили юридический факультет?

– Два года.

– А самостоятельные расследования когда начали вести?

– Полгода.

– Все верно. Так и должно быть. Не обижайтесь, но когда я начал проводить свои расследования, вас еще не было на

свете. Хотя этот фактор как раз говорит в вашу пользу, а не в мою.

– Не обижаюсь, – улыбнулся Талганов. – Значит, вы совсем не знали погибшего?

– Видел только одну минуту. Вскрытие проводили?

– Конечно.

– Что нашли?

– Убийство. Обычное убийство, которые происходят в нашем городе сотнями. Кто-то выстрелил ему почти в сердце. С расстояния в несколько метров. Орудие убийства так и не нашли. Очевидно, он умер сразу, даже не мучаясь. Так считают наши эксперты.

– Внутренние органы не повреждены?

– Никаких ударов и кровопотечек, кроме разрыва аорты при выстреле. Мы нашли гильзу на полу. Получил несколько синяков, когда упал, но это не считается.

– Я не об этом. У него не было каких-либо патологий? Внутренние болезни, тяжелые симптомы?

– Значит, вы были с ним знакомы? – осторожно уточнил Талганов.

– Не был. Не нужно ловить меня на слове, – нахмурился Дронго, – я действительно видел его не больше минуты. Может, две. Просто он успел сказать мне, что летит в Германию на обследование. У него были какие-либо поврежденные органы? Что сказали патологоанатомы?

– Да, – кивнул Талганов, – у него была сильно повреждена

поджелудочная железа. Они считают, что он был тяжело болен. Врачи вообще считают, что это самая коварная болезнь, ее трудно обнаружить. Но при вскрытии все стало ясно. Он был обречен. Наш эксперт считает, что ему оставалось жить не больше года. Может, даже меньше.

– Что-нибудь еще?

– Небольшие отклонения в области печени. Она была увеличена. Больше ничего. Сердце работало нормально. Никаких других повреждений не нашли. Хотя метастазы уже начинались.

– Что было в карманах?

– Деньги. Довольно большая сумма. Две тысячи евро. И дома было еще около трех тысяч наличными. Хотя, может, для бизнесмена это не очень большая сумма, не знаю.

– Из какого пистолета его убили? – поинтересовался Дронго.

– В этом все и дело, – усмехнулся Талганов, – стреляли из старого пистолета «ТТ». Настолько старого, что его, наверно, использовали еще во время войны, лет шестьдесят назад. Или более того. Непонятно, как киллер решил воспользоваться таким оружием. Допотопный пистолет, который мог отказать в любой момент. Вы бы видели, как расплющило гильзу, я могу показать вам фотографию.

– Покажите, – попросил Дронго.

– Это тоже нарушение, – заметил следователь, – но вам как эксперту я могу показать.

Он достал из стола папку и вытащил фотографию, протянул ее Дронго. Тот взял фотографию, внимательно рассмотрел гильзу. Затем вернул следователю.

– Действительно, странно.

– И самое поразительное, что убийца не стал стрелять второй раз. Неужели он был так уверен, что сделал смертельный выстрел? Обычно киллер стреляет второй раз, добивая свою жертву. Контрольный выстрел в голову, но убийца его не сделал.

– Может, опытный убийца. Был уверен, что убил наповал. Или просто успел проверить.

– Все равно непонятно. Выходить с таким пистолетом на убийство очень опасно.

– У погибшего остались счета?

– Я уже проверял. Денег оставалось очень мало. Их фирма практически разорилась, и кредиторы готовы были в суде отстаивать свои интересы. Общая задолженность больше пяти миллионов долларов. Боюсь, что суд мог наложить арест не только на имущество компании «Ростан», но и на личное имущество руководителей компании, которые были ее фактическими совладельцами.

– Все было так плохо?

– Да. Я уже говорил с представителями компании. Допрашивал их генерального директора и главного бухгалтера. Генеральный – грузин, он с таким гонором, все время пытался мне доказать, что они еще могут вылезти. Хотя чего там

доказывать, вся информация уже есть на сайте в Интернете. Они вложили большие деньги в строительство нового предприятия, взяли кредит в банке, но грянул кризис. Кто мог тогда предположить, что все так обернется. Выплаты по процентам начали расти, потом добавился основной долг. С зарубежными кредиторами они рассчитались, практически исчерпав все свои деньги. А внутренние не хотели ждать. Накопился большой долг. В общем, погибший был не бедным человеком. Две квартиры в Москве, большая дача, две машины – внедорожник и шестерка «Ауди». На «Ауди» он ездил сам, а внедорожник «Прадо» оставил жене. Он даже оплачивал ей водителя. Такой приличный человек. Хотя, по моим сведениям, жена ушла от него еще два месяца назад, забрав с собой их дочь. Очевидно, это стало для него последним ударом. Неприятности на службе и неприятности дома. Не удивительно, что он заболел.

– Вы говорили с его вдовой?

– Она ничего вразумительно объяснить не может. Все время плачет, причитает. Соседи ее осуждают. Многие знают, что она ушла от мужа, а теперь сходит с ума из-за его убийства. Хотя может получить довольно солидное наследство. Только их квартира, в которой она живет с дочерью, стоит порядка четырехсот тысяч долларов. Их дача тоже стоит больших денег. В общем, она явно не пропадет. Но я проверяю все версии, в том числе и на возможность ее причастности к этому убийству. Ведь она осталась основной наслед-

ницей. И еще эта ссора перед его смертью. Нужно все проверить.

– Не сомневаюсь, что вы все сделаете правильно, – кивнул Дронго. – А версию кредиторов не пытались проверить? Люди не любят, когда им не возвращают большие деньги. Особенно в России. Если бы это была только зарубежная компания, тогда все понятно. Они предпочитают решать свои дела в судах. А если компания российская, то здесь все обстоит немного иначе. Должников не любят и не всегда прощают.

– Мы в первую очередь проверяем все версии, связанные с его бизнесом, – заверил Талганов, – у нас в Москве редко убивают из-за наследства. Чаще всего это разборки между бизнесменами, денежный интерес. Почти всегда. За два года в прокуратуре у меня были либо бытовые убийства, либо заказные убийства бизнесменов. Почти всегда понятно, кто заказчик. Другое дело, что трудно доказать его причастность к убийству. Но латинский принцип «кому выгодно» всегда работает безупречно. Сразу понятно, кто мог быть заказчиком данного убийства. А вот в случае с Николаеом Сутеевым пока ничего не понятно.

– Эта проблема стоит перед юристами всего мира, – улыбнулся Дронго, – нужны доказательства и факты. Презумпцию невиновности еще никто не отменял. Во всяком случае в цивилизованных странах. И задача прокуратуры всегда доказать вину конкретного человека.

– Не всего мира, – возразил Талганов, – на Северном Кав-

казе совсем другие обычаи. Мне иногда кажется, что некоторые обычаи сохраняют свою актуальность до сих пор. Если убивают человека, то там практически сразу все знают, кто это мог сделать. Никаких доказательств не ищут, улики не собирают. Приходит старейшина из рода убитого и стучит в дверь семьи убийцы. И очень спокойно объявляет кровную месть, заявляя, что теперь их семьи враги. Вы знаете, как это здорово действует? Ведь объектом нападения теперь может стать каждый мужчина из рода убийцы. Невольно тысячу раз подумаешь, прежде чем взяться за нож или пистолет.

– Обычай кровной мести явный пережиток прошлого, – возразил Дронго, – и тем более убийство члена семьи убийцы, вообще не причастного к этому преступлению. Вы знаете, как можно было заслужить прощение другого рода, откуда был убитый? Все мужчины рода убийцы, включая старейшин, должны были на коленях ползти в сторону дома убитого. Сам убийца отпустил бороду и волосы в знак покаяния. Близкий родственник убитого должен был острым ножом обрить и постричь убийцу. И если его рука не дрогнула, если не пролилось крови, то убийцу прощали. Но это было неслыханное унижение всего рода. И люди предпочитали умирать, убивая друг друга, чем заслужить такое прощение.

– Я этого не знал, – признался Талганов, – теперь буду знать. Но принцип неотвратимости наказания действовал. А это самое важное, когда борешься с преступностью.

– Никогда не говорите, что вы одобряете кровную месть,

иначе вас просто выгонят из прокуратуры, – посоветовал Дронго.

– И не только кровную месть, – сказал Талганов, – я недавно был в командировке на Урале. Там задержали очередного маньяка-педофила. Если бы вы видели, что он делал с детьми! Вот в таких случаях я за смертную казнь. И не смейте мне говорить, что в просвещенной Европе ему дадут пожизненный срок. Таких нужно беспощадно убивать.

– Начнем с того, что эти люди по-настоящему больны, – печально возразил Дронго, – и их нужно скорее лечить, чем карать. Но общество никогда не пойдет на подобные уступки. Общественное мнение требует сурового наказания. В данном случае я честно не знаю ответа на ваш вопрос.

– У вас огромный опыт, – напомнил Талганов. – В таком случае скажите мне откровенно, что лучше? Пожизненный срок или смертная казнь? Только не нужно уклоняться от ответа. Первый вариант или второй?

– За экономические преступления или так называемые государственные я бы не давал смертной казни, – признался Дронго.

– А убийства, совершенные с особой жестокостью, убийства детей, женщин, стариков, убийства целых семей? – настаивал Талганов.

Дронго молчал.

– Не хотите отвечать? – криво усмехнулся следователь. – Где же ваша объективность?

– Хочу, – ответил Дронго, – и отвечу. Я считаю, что таким тварям нет места на нашей земле. И в этих случаях я за безусловную смертную казнь. Без всякого сомнения.

Талганов прикусил губу. Потом очень тихо спросил:

– Вас еще не выгнали из международных экспертов? С такими взглядами, противоречащими европейским конвенциям?

– Уже скоро, – ответил Дронго, – видимо, скоро выгонят. Но я тоже видел то, что не должен видеть нормальный человек. И поэтому всегда помню, что я не Бог. И если Бог иногда прощает такую нечисть, то я простить не могу. Это моя принципиальная позиция.

Талганов вздрогнул. Он увидел глаза Дронго, которые блеснули в этот момент ненавистью. Следовательно даже испугался. Обычно никто не видел таких глаз у Дронго. Он просто не позволял себе их показывать. Но сегодня, очевидно, под влиянием убийства несчастного Сутеева он позволил себе показать свои глаза. И они по-настоящему испугали следователя.

Глава четвертая

Дронго понимал, что следователь был прав. Бытовые убийства происходят достаточно часто и с помощью подручных средств – кухонных ножей, топоров, скалок, молотков, ножниц, всего, что может оказаться под рукой, даже тяжелых сковородок. Но убийство с применением огнестрельного оружия и при подобных обстоятельствах – это спланированное убийство, которое не бывает бытовым. Но Талганов обратил внимание на непонятную деталь. Почему убийца, заранее готовившийся к подобному преступлению, решил выйти с таким старым пистолетом? Это была пока первая и самая важная загадка.

Проверку следовало начать с компании «Ростан», где работал погибший. Посредством Интернета легко можно было узнать, что компания была создана десять лет назад и ее основными владельцами были Николай Сутеев и Вахтанг Чагунава.

Оборот компании в две тысячи седьмом году составлял около двадцати миллионов долларов в год. «Ростан» занимался поставками металла на строительство жилых домов. И в период строительного бума в Москве прибыли компании росли опережающими темпами. Но в две тысячи восьмом году начался кризис, обваливший рынок недвижимости. Взявшая кредит на строительство нового завода компа-

ния не могла его закончить и даже выплатить в нужный срок проценты по кредиту.

Им пришлось продать свои активы, уволить почти всех сотрудников, начать сворачивать производство. Самое важное было расчитаться с зарубежными долгами, которые превышали восемь миллионов долларов. К началу две тысячи девятого года им удалось выплатить большую часть долга и реструктуризировать оставшуюся часть. Теперь нужно было расплатиться с долгами двум российским банкам, которые насчитывали около пяти миллионов долларов. Однако российские банки, находившиеся в еще более стесненных условиях, чем зарубежные, не собирались вести переговоры или разрешать должникам задержки с выплатами кредита. Оба банка подали в суд, рассчитывая на описание имущества владельцев компании «Ростан» и погашение кредита.

Дронго приехал в компанию к четырем часам дня. Раньше «Ростан» занимала четыре этажа в новом высотном здании. Теперь они ужались до одного этажа, вернув остальные три арендаторам. Да и этот один этаж был уже достаточно непосильным бременем для компании, уже сократившей почти девяносто процентов своего персонала. Дронго прошел по коридору. На стенах еще висели остатки былой роскоши, рекламные плакаты «Ростана», графики поставок, улыбающиеся лица строителей.

Он вошел в приемную, где сидела женщина лет сорока. Она просматривала модный журнал, подняла голову при по-

явлении гостя.

– Кто вам нужен? – нелюбезно спросила она. Прежнего лоска не было, здесь уже отвыкли за несколько месяцев от важных клиентов. К тому же секретарь была обижена на своего шефа, вдвое сократившего ей зарплату.

– Мне нужен господин Чагунава, – пояснил Дронго.

– Он у себя, – показала на дверь секретарь, – можете входить.

– Вы не будете докладывать? – уточнил Дронго.

– Зачем? – спросила она. – Мы и так доживаем последние дни. А со следующего месяца я, наверное, здесь уже не буду работать. Он меня увольняет. Сократил в два раза зарплату, а теперь и вообще решил избавиться.

Дронго усмехнулся.

– А где обычно сидел господин Сутеев?

– В соседней комнате, – вздохнула женщина, – только его уже убили. Боюсь, что и моего ждет такая участь. Когда остаешься должен такие деньги, могут убить где угодно.

– Вы так полагаете?

– Уверена. А вы сами из милиции?

– Нет. Из налоговой инспекции.

– Тогда прямо к нему. У него сейчас как раз настроение для налоговой, – хищно улыбнулась секретарь. – Хотя, подождите, – она подняла трубку, – порядок есть порядок.

– Вахтанг Михайлович, – сообщила секретарь, – к вам пришли из налоговой инспекции.

– Откуда? – удивился Чагунава.

– Из налоговой. Хочет с вами переговорить.

– Какая налоговая инспекция? Какие налоги? С каких прибылей? У нас только долги остались и убытки, – взревел Чагунава.

– Значит, ему уйти? – спокойно спросила секретарь.

– Я сейчас выйду, – крикнул Вахтанг Михайлович.

Через минуту дверь открылась, и на пороге появился мужчина среднего роста. У него были белые густые волосы, немного выпученные красноватые глаза, мордастое лицо, крупный нос, кустистые брови. Одетый в светлый костюм и темную рубашку без галстука, он испытующе взглянул на гостя.

– Это вы из налоговой? – грозно спросил он. По-русски Чагунава говорил без грузинского акцента. Очевидно, он родился и жил в России.

– Кажется, я, – кивнул Дронго, – мне можно зайти к вам?

– Конечно, можно, – посторонился Чагунава, – входите.

Мила, сделай нам кофе.

– Кофе закончился, – нагло сообщила Мила, – может, чай?

– Тогда купите кофе, – загремел Чагунава, – почему ты меня позоришь перед гостем? Пошли кого-нибудь из ребят, и пусть купит банку самого лучшего кофе.

Он добавил еще несколько слов по-грузински. Дронго улыбнулся. Он немного понимал этот язык. Мила нахмури-

лась. Она не понимала, но догадывалась, что ее обругали. Хозяин и гость вошли в просторный кабинет. Чагунава пригласил гостя за длинный стол, уселся напротив.

– Чем могу служить? – поинтересовался он.

– Я не из налоговой инспекции, – сразу начал Дронго, – только я не хотел, чтобы об этом узнала ваш секретарь. Судя по всему, она недолго здесь задержится.

– Выгоню как собаку, – пообещал Чагунава. – Когда получала по три тысячи долларов, была как идеальная любовница, а теперь, когда мы ей немного урезали зарплату, превратилась в сварливую жену.

– Немного – это насколько?

– Уже успела пожаловаться? Да, в два раза. Но полторы тысячи долларов ей тоже много. Это почти пятьдесят тысяч рублей. Только она считает в долларах, а я в рублях. И все мои поставки идут в рублях, кроме наших долгов. Раньше получала шестьдесят пять тысяч, почти три тысячи долларов, а сейчас пятьдесят две. Немного сократили, но она считает в долларах. Раньше три, сейчас полторы. Но разве можно так считать? Я же не виноват, что рубль обесценился.

– Везде кризис, – согласился Дронго.

– Как вас зовут?

– Меня обычно называют Дронго.

– Какое странное имя. Господин Дронго, откуда вы пришли?

– Я частный эксперт, занимаюсь расследованием убийства

вашего компаньона и заместителя Николая Сутеева.

– Какой хороший человек был, – вздохнул Вахтанг Михайлович, – сейчас таких уже не найдешь. Надежный друг, очень верный компаньон, хороший производственник. Мы с ним начинали буквально с нуля. Он тогда все продал и вложил свои деньги. Триста тысяч рублей. А я дал семьсот. Вот так мы и начинали с первого миллиона рублей. Тогда это было тысяч тридцать пять по курсу, сразу после августовского дефолта. Решили открыть свое дело. Очень рисковали, но оказалось, что рассчитали все правильно. Уже через год дела пошли гораздо лучше.

– И компания начала расширяться?

– Еще как! Мы уже считали себя почти олигархами. Вот мне все время говорят про мировую конъюктуру, про цены на нефть, которые росли целых семь лет. Или восемь. Что мы правильно все рассчитали, решив вложиться в производство металла для жилых строений. Цены в Москве росли просто фантастически. Это значит, что мы такие умные? На самом деле все не совсем так. А я знаю точно, в чем дело. И почему у нас все сразу поменялось в новом веке. Дело было в нашем бывшем президенте. Пока он у власти был, творилось настоящее безумие. С деньгами, с правительством, с экономикой, с политикой, с кадрами. Все было вверх тормашками. Такой человек был неуправляемый. Горбачев оказался просто слабый человек, не сумел ничего удержать. А этот был настоящий разрушитель по своей натуре. Я слышал, что у

себя на родине он даже дом снес, в котором царя и его детей расстреляли. Такой человек был неуправляемый. И пока он был у власти, все было шатай-валяй.

Дронго улыбнулся, но не стал спорить.

– А потом к власти пришел другой. Из Комитета государственной безопасности. Это нам сказки рассказывали, что он демократом был. Офицер КГБ не может быть демократом, как иудей не сможет никогда стать христианином. Он ведь уже обрезан и может сделаться только мусульманином. Так и офицеры КГБ. Им дают такое воспитание и образование, что демократами они не могут быть по определению. Некоторые пытаются, но это обычные предатели. Вот почему я сразу понял, что пришел серьезный человек и надолго. Как он сразу наших олигархов прижал! Почти все сбежали, некоторых посадил. А ведь долго терпел многих из своего окружения, не трогал, выжидал. Почти как Сталин. Ждал, когда начнет их убирать по одному. И всех убрал, всех расчистил. Только время сейчас другое. Расстреливать уже нельзя, он их либо за рубеж, либо в неизвестность отправлял.

– У вас целая теория.

– Какая теория. Это практика. Мы семь лет катались как сыр в масле. Думали, всегда так будет. Такие деньги на ветер выбрасывали, уже планировали на двадцать лет вперед. Шальные деньги, шальные мысли. Все правильно. А потом праздник закончился и наступило похмелье.

Мила внесла поднос с двумя чашечками кофе, конфетни-

цей, сахарницей, даже принесла холодное молоко.

– Так быстро нашла кофе? – не удержался Вахтанг Михайлович.

– Это я в бухгалтерии одолжила, – пояснила обиженная Мила. Она повернулась и вышла.

– Я ее выгоню, – снова пообещал Чагунава. – Так какое у вас дело ко мне?

– Я уже сказал. Родственники Сутеева попросили меня расследовать его убийство.

– Ужасное преступление, – поморщился Чагунава, – даже не знаю, что вам сказать. Какой-нибудь отморозок стрелял. Сейчас их много. Если бы Николай поехал к себе домой, ничего бы не случилось. Там у них дом хороший, с охраной и видеокамерой. А здесь был обычный дом с незапирающейся дверью в подъезде и плохо работающим лифтом. Не знаю, зачем он туда поехал. В свой старый дом. Наверно, какой-нибудь грабитель стрелял. Жалко Николая, такой человек был. Золотой. Хотя часто болел в последнее время.

– Вы знали, чем он болел?

– Он говорил, что у него сахар повышенный. У меня тоже диабет. Сейчас у всех сахара много, время такое. Везде стрессы.

– И больше ничего не говорил?

– Нет. Он человек был серьезный, не стал бы о себе много рассказывать. Занимался нашей компанией с утра и до вечера. Как он переживал, когда узнал, что банки на нас в суд по-

дали! Вы, наверно, эту историю уже знаете. «Альфа-банк» и банк КТБ подали на нас в суд. У нас долгов на пять миллионов долларов. Конечно, мы нашли адвоката и будем сражаться в этом арбитражном суде. Но эти банкиры очень неприлично себя ведут. Непонятно, почему они так на нас давят. У нас уже никаких активов не осталось, все распродали, даже наши машины служебные. Только личные и остались. А они хотят сразу пять миллионов получить. У нас сейчас только это помещение осталось, да и его мы арендуем. Что отсюда возьмешь? А наш недостроенный завод вообще ничего не стоит. Никто даже даром не захочет сегодня брать наш участок. Но мы его и за деньги не продадим. Это наше будущее. Но вообще обидно. Еще год, и мы бы наш завод закончили и начали бы выпуск продукции. Кризис рано или поздно закончится, а завод мы так и не построили. Но ведь люди все равно будут дома строить, особенно в Москве.

– Давайте вернемся к Сутееву. Вы давно его знали?

– Больше двадцати лет. Познакомились, еще когда инженерами были. Он толковым инженером был. Поэтому я его пригласил и решил сделать своим компаньоном.

– Вы считаете, что это случайное убийство?

– Конечно, случайное. Какой-нибудь грабитель. Сейчас после кризиса столько разных людей в Москву приехало. Среди них много бандитов. Особенно среди таджиков, кавказцев, китайцев, вьетнамцев. Ох, простите. Вы тоже с Кавказа?

– А вы нет? – улыбнулся Дронго.

– Мои предки оттуда приехали. Из Цхалтубо. Еще в прошлом веке. Конечно, мы все оттуда. Только я не нас имею в виду, а других...

– А потом мы удивляемся, что появляются скинхеды, если вы, грузин, так пренебрежительно говорите о своих соотечественниках.

– Я не о них говорю, – нахмурился Вахтанг Михайлович, – я про бандитов говорю, которые сюда тысячами приезжают, нас позорят, машины воруют, квартиры грабят, на людей нападают. Я про этих бандитов говорю. Нужно отделять, где порядочные люди, а где бандиты. Вы знаете, сколько грузин работают врачами, жизни людям спасают? А сколько азербайджанцев или армян? Посчитать невозможно. Почти в любой больнице есть несколько врачей из кавказцев. Разве они бандиты? Они людей спасают, помогают всем нам жить.

– Вы полагаете, что это был случайный грабитель?

– Конечно. А кто еще?

– В кармане убитого нашли две тысячи евро. Их не тронули. Согласитесь, странный грабитель, который не взял даже такие деньги.

– Я этого не знал, – нахмурился Чагунава, – действительно, необычный грабитель. Может, его просто спугнули, и он не успел взять деньги? Испугался и сбежал.

– Может быть. А кто еще мог быть заинтересован в смерти вашего заместителя?

– У нас никто. Мы все его очень любили. Он замечательный человек был. Есть такое выражение – «душа компании». Вот он и был душой нашего коллектива. Такой человек, просто думать больно. И Лариса, его жена, осталась одна.

– У них, кажется, были неприятности?

– Это слухи. Нарочно распускают слухи. Они прекрасно жили. Идеальная пара была. Он так радовался, когда у него родилась дочь.

– А почему тогда он поехал на свою старую квартиру?

– Наверно, забрать какие-нибудь вещи, – рассудительно ответил Вахтанг Михайлович, – я этого не знаю. Меня не было в городе, когда его убили. Я был в Санкт-Петербурге. Приехал на следующий день, хорошо, что успел с ним проститься.

– У вас был большой коллектив?

– Раньше да. Почти полторы тысячи человек. А сейчас человек сто пятьдесят осталось, вместе с уборщицами и секретарями. Даже охрану сократили. Здесь уже ничего не осталось, чтобы охранять. Скоро еще человек восемьдесят сократим. Раньше у нас четыре этажа было в этом здании, а сейчас остался только один.

– Насчет долгов все правда? Суд может наложить арест на ваше имущество?

– Может. Только имущества никакого не осталось. Он очень переживал из-за этого, сильно волновался. Но у нас адвокаты хорошие, посмотрим, какое решение вынесет суд.

– Я могу побеседовать с оставшимися сотрудиниками?

– Конечно, можете. С кем угодно. Здесь его все любили и уважали. Он был настоящий трудоголик. Есть такие люди, которые отдают всего себя работе. Он так мечтал, чтобы наша компания еще больше росла, строил такие планы грандиозные. И мы все потеряли. За несколько месяцев. Даже не знаешь, кого ругать – Буша-младшего или кого-то другого. Не знаю.

– Ясно. У меня еще три последних вопроса. Вы сказали, что он вложил триста тысяч рублей, а вы – семьсот. Соответственно доля управления компанией тоже распределялась подобным образом. И доля ответственности?

– Нет, – недовольно ответил Чагунава, – мы уже давно решили, что мы компаньоны. Он столько работал, что я подумал, так будет правильно. Уже два года мы получали равную прибыль, считаясь почти равными акционерами. У меня пятьдесят процентов плюс один голос. У него было сорок девять и девять сотых. Мы ведь никому наши акции не продавали, держали до лучших времен. А сейчас они вообще ничего не стоят, одна бумага. Ничего, мы еще вылезем назло всему миру.

– Акции не стоят, но солидарная ответственность обойдется вам в два с половиной миллиона каждому, – напомнил Дронго, – это правильно?

– Конечно, неправильно. Но так будет, если мы проиграем дело в суде. Надеюсь, что нам дадут отсрочку. Хотя бы на

один год. Многим компаниям помогают, деньги дают, кредиты рефинансируют, откладывают выплату. Но только не нам. У нас завод на голом месте строился. Он был не градообразующим, как сейчас говорят. Значит, на нас можно махнуть рукой. На всех людей, которые у нас работали. Мы два раза обращались за кредитами, и нам оба раза отказывали. Формально банки правы. Мы обязаны вернуть прежний кредит. А как его вернуть, если мы всех уволили, строительство завода заморозили, всякую деятельность свернули. Откуда деньги брать? Из воздуха? На перепродаже? Ищи дураков. Сейчас на этом уже деньги не сделаешь.

– Понятно. Спасибо за то, что уделили мне время.

– Вы не выпили свой кофе. Он уже наверняка остыл.

– Ничего, – улыбнулся Дронго, поднимаясь со стула, – я не очень люблю кофе. Извините, что я вас побеспокоил.

– А третий вопрос? – напомнил Чагунава, вставая вслед за гостем. – Вы сказали, что у вас три вопроса. Но задали только два.

– Третий вопрос, – обернулся к нему Дронго, – на третий вопрос я почти получил ответ. Но если хотите, я задам и его. Третий вопрос у меня будет немного необычный. Судя по тому, что мне удалось узнать, все состояние погибшего не стоит двух с половиной миллионов долларов. А платить ваша компания не в состоянии. Что будет, если ваши адвокаты проиграют процесс? Каким образом сможет оплатить долги банкам семья погибшего Сутеева?

– Не проиграют, – не очень уверенно возразил Вахтанг Михайлович, – они же не будут отнимать у вдовы последнее.

– Понятно. Я примерно такого ответа и ждал. До свидания.

Он пожал руку хозяину кабинета и вышел в приемную.

«Кажется, Вахтанг Михайлович до сих пор недооценивает степень опасности, – подумал Дронго, – или надеется на какое-то чудо».

Глава пятая

В приемной Мила насмешливо посмотрела на него.

– Так быстро закончили?

– Как видите, – улыбнулся он. – Вы не подскажете, с кем мне лучше побеседовать о финансовых проблемах вашей компании?

– С главным бухгалтером, конечно. Или с начальником нашего планового отдела. Его все равно увольняют, может, он вам напоследок что-нибудь приятное и расскажет.

– Где они сидят?

– В конце коридора. Как раз напротив друг друга. Антонина Алексеевна Подрез, это наш главный бухгалтер, и Яков Андреевич Димчевский, начальник планового отдела. Можете с ними переговорить. Они сейчас как раз в своих кабинетах.

– Спасибо. Вы просто неоценимый секретарь.

– Судя по моей зарплате, это не скажешь. Здесь меня явно не ценят. Даже уходить некуда. Везде кризис, – пожаловалась она.

– Кризис скоро закончится, – произнес Дронго, – это я вам как налоговый инспектор обещаю.

Он прошел по коридору. Остановился у таблички с фамилией «Димчевский» и постучал.

– Войдите, – услышал он мужской голос.

В кабинете сидел мужчина лет сорока пяти. У него был идеально выбритый лысый череп, небольшие щегольские седоватые усики, крупный нос, карие глаза. Он был одет в темно-синюю рубашку без галстука. Увидев гостя, он вяло кивнул, разрешая тому войти. Потом лениво поднялся со своего места, протягивая руку.

– Яков Андреевич Димчевский. С кем имею честь?

– Меня обычно называют Дронго. Меня прислала Мила из приемной вашего шефа. Я только сейчас закончил с ним разговаривать.

– Понятно. По какому вопросу? Вы представитель наших кредиторов? Пришли снова выбивать деньги?

– Нет, нет. Я занимаюсь расследованием убийства совладельца вашей компании Николая Сутеева. Я частный эксперт.

– Тогда понятно. Я так и подумал, что вы либо из правоохранительных органов, либо имеете к ним отношение. Только я сразу решил, что вы приехали выбивать из нас деньги.

– Такие попытки уже были?

– Дважды. В первый раз явились адвокаты, которые любезно наобещали нам всем кучу неприятностей. И сразу ушли. А во второй раз приехали качки из банка КТБ. Они сразу начали на нас давить, пояснили, какие именно проблемы у нас могут быть. Угрожали, не открыто, конечно, но достаточно убедительно.

– Странно. Чагунава мне ничего не рассказал.

– И не расскажет. Он же грузин, княжеский род. Скорее умрет, чем расскажет обо всех проблемах. Но мы уже объективно ничего не могли сделать. И так все продали. Все, что могли. Эти вымогатели ушли несолоно хлебавши. Хотя пообещали вернуться. Но я думаю, что они договорились с другим банком и теперь подают на нас в суд.

– Требуют всей суммы?

– Конечно. И еще набежавшие проценты. И еще суд может судебные издержки тоже возложить на нас. Вот и считайте, какую сумму мы задолжали. Придется платить, если проиграем наш судебный процесс. Адвокаты успокаивают Вахтанга Михайловича и тянут с него деньги. А я понимаю, что мы все равно проиграем. Никаких убедительных аргументов нет, чтобы реструктурировать наши долги. Деньги не появятся ни через год, ни через два, если кто-то снова не захочет одолжить нам десять миллионов.

– Почему десять? Насколько я понял, речь идет о пяти миллионах долларов?

– Это долги. А ведь нам нужно закончить наш завод. Чтобы его построить, нужно как раз еще дополнительно пять миллионов. И это впритык. И без гарантий, что наша продукция будет нужна городу через год. Кризис может продлиться гораздо больше. И два года, и три.

– Вы пессимист.

– Имею право. Все равно с первого числа я отсюда ухо-

жу. Зачем нужен плановый отдел компании, в которой остаются работать несколько десятков человек. Да и те на очень небольшое время. Мы разорены, и это правда, которой нужно смотреть в глаза.

– Уже нашли новую работу?

– Не нашел. И боюсь, что еще долго ничего не найду. Время плохое. А мне уже под пятьдесят. Сейчас нужны молодые ребята с дипломами лучших английских вузов. В моем возрасте и с моим послужным списком из разорившейся компании меня никто не возьмет на работу. Нужно идти в дворники, если возьмут.

– Не нужно так мрачно. Вы хорошо знали Сутеева?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.